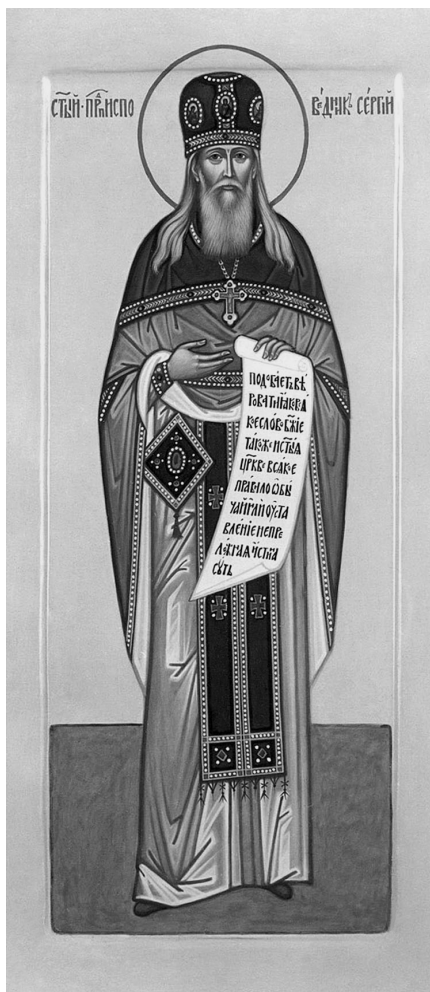

23 марта (5 апреля)

Преподобноисповедник
Сергий (Сребрянский)

Преподобноисповедник Сергей родился 1 августа 1870 года в селе Трехсвятском Воронежского уезда Воронежской губернии в семье священника Василия Сребрянского и в крещении был наречен Митрофаном. Через год после рождения сына отца Василия перевели в село Макарий в трех километрах от Трехсвятского. Как и большинство детей священников, Митрофан Васильевич получил духовное образование – в 1892 году он окончил Воронежскую Духовную семинарию, однако священником стал не сразу.

Преподобноисповедник Сергей

Часть образованного общества того времени, не исключая детей духовенства, была настроена весьма критично по отношению к Православной Церкви, и тот, кто все же горел желанием послужить народу, для кого небезразличны были интересы нравственные, становился общественным деятелем или находил себе применение в практической деятельности.

Под влиянием народнических идей, желая помогать крестьянам, Митрофан Васильевич поступил в Варшавский ветеринарный институт. Оказавшись здесь

среди равнодушных к вопросам веры студентов, во враждебной православия католической Польше, он начал усердно посещать православный храм. В Варшаве он познакомился со своей будущей женой, Ольгой Владимировной Исполатовской, дочерью священника, служившего в Покровском храме в селе Владычня Тверской губернии; она окончила курс тверской гимназии, собиралась работать учительницей и приехала в Варшаву навестить родственников. 29 января 1893 года они обвенчались.

Живя в Варшаве, Митрофан Васильевич стал сомневаться в правильности выбора своего пути. В душе было пламенное желание служить народу, – но достаточно ли было ограничиться внешним служением, стать специалистом в нужном для крестьян деле ведения хозяйства? Душа молодого человека, сохранившего от детства религиозные впечатления и получившего православное образование, ощущала неполноту такого рода служения, и он решил вступить на поприще служения священнического.

Священник Митрофан Сребрянский. 1894 год

2 марта 1893 года епископ Воронежский Анастасий (Добрадин) рукоположил Митрофана Васильевича во диакона к Стефановской церкви слободы Лизиновки Острогожского уезда, но диаконом отец Митрофан пробыл недолго – 1 марта 1894 года он был назначен священником 47-го драгунского Татарского полка и 20 марта рукоположен во священника.

15 января 1896 года отец Митрофан был назначен вторым священником Двинского военно-крепостного собора и 1 сентября того же года вступил в должность законоучителя Двинской начальной школы. 1 сентября 1897 года отец Митрофан был перемещен в город Орел и назначен настоятелем Покровского храма 51-го драгунского Черниговского полка, шефом которого была великая княгиня Елизавета Федоровна.

С этого времени начался относительно продолжительный период жизни отца Митрофана в Орле. Здесь он всего себя отдал на служение Богу и пастве. Он

стал утешителем многих, прекрасным и серьезным проповедником, слово которого впитывалось слушателями, как впитывается дождь в жаждущую влаги почву. Паства потянулась к искреннему и ревностному пастырю, образовался крепкий приход, и это позволило отцу Митрофану приняться за трудное дело постройки храма, которое он завершил с успехом. Он создал при приходе библиотеку и школу. Все получаемые от благотворителей средства отец Митрофан жертвовал на храм, школу и библиотеку. В 1900 году он был награжден золотым наперсным крестом с украшениями.

Летом 1903 года в Сарове состоялось торжественное прославление преподобного Серафима. На этих торжествах был и отец Митрофан. Здесь он был представлен великой княгине Елизавете Федоровне и произвел на нее самое благоприятное впечатление – искренней верой, смирением, простотой и отсутствием какого-либо лукавства.

В 1904 году началась русско-японская война. 11 июня 51-й драгунский Черниговский полк выступил в поход на Дальний Восток. Вместе с полком отправился и отец Митрофан. За семь лет служения полковым священником в Орле он настолько сжился со своей воинской паствой, что она стала для него как одна большая семья, с которой он разделил все тяготы походной жизни. Везде, где представлялась возможность, он со своими помощниками ставил походную церковь и служил. Вместе с полком участвовал в сражениях.

В служебном формуляре отца Митрофана кратко записано: «Был в сражениях: Ляоянском... Шанхайском... в набегах на Инкоу... Мукденских... у деревни Санвайцзы... Во всех означенных сражениях под огнем неприятеля совершал богослужения, напутствовал раненых и погребал убитых».

Во время служения в действующей армии отец Митрофан вел подробный дневник, который печатался в журнале «Вестник военного духовенства», а затем вышел отдельной книгой*. Здесь, в условиях походных трудностей, тяжелых боев, где солдаты и офицеры рисковали жизнью, отец Митрофан увидел, насколько русский человек любит Родину, с каким смирением отдает за нее свою жизнь, увидел и то, сколь лживо и разрушительно по последствиям описывают столичные газеты происходящее на фронте, как будто это пишут журналисты не русской прессы, а неприятельской. Здесь он увидел, насколько глубоко разделился по вере русский народ, православные и неверующие стали жить бок о бок как два разных народа.

15 марта 1905 года отец Митрофан, как опытный пастырь и духовник, был назначен благочинным 61-й пехотной дивизии и в этой должности прослужил до окончания войны. 2 июня 1906 года он вместе с полком вернулся в Орел. За выдающиеся пастырские труды, понесенные во время войны, отец Митрофан 12 октября 1906 года был возведен в сан протоиерея и награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте.

В 1908 году великая княгиня Елизавета Федоровна усиленно трудилась над проектом по созданию Марфо-Мариинской обители. Предложения по написанию устава обители были поданы от нескольких лиц. Подал свой проект и отец Митрофан; и его проект настолько пришелся по душе великой княгине, что

* Дневник священника 51-го драгунского Черниговского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны полка Митрофана Васильевича Сребрянского, с момента отправления его в Маньчжурию 11 июня 1904 года по день возвращения в г. Орел 2 июня 1906 года. СПб. 1906.

именно его она положила в основу устройства обители. Для его осуществления она пригласила протоиерея Митрофана на место духовника и настоятеля храма.

Отец Митрофан привык к служению в Орле, где у него сложились прекрасные отношения с паствой, которой он отдавал все свое время и силы, и ни он не хотел с ней расстаться, ни она с ним. «Бывало, кончишь давать крест после обедни, а народ все идет и идет. С одним побеседуешь, другой просит совета, третий спешит поделиться своим горем – и так тянутся часы... матушка ждет меня обедать, да только я раньше пяти часов вечера никак из церкви не выберусь», – вспоминал отец Митрофан.

Не смея отказаться от предложения Елизаветы Федоровны, отец Митрофан обещал подумать и дать свой ответ позже. На пути из Москвы в Орел он вспомнил родную, горячо его любящую паству и представил, как обоюдно тяжело будет расставание. От этих дум и воспоминаний его душа пришла в смятение, и он решил отказаться от предложения великой княгини. В тот момент, когда он это подумал, он почувствовал, что у него отнимается правая рука. Он попытался поднять руку, но безуспешно: ни пальцами пошевелить, ни согнуть руку в локте он не смог. Отец Митрофан понял, что это, видимо, Господь его наказывает за сопротивление Его святой воле, и тут же стал умолять Господа простить его и пообещал, если исцелится, переехать в Москву. Понемногу рука обрела чувствительность, и через два часа все прошло.

Он приехал домой совершенно здоровым и вынужден был объявить прихожанам, что покидает их и переезжает в Москву. Многие, услышав это известие, стали плакать и умолять отца Митрофана не покидать их. Видя переживание паствы, добрый пастырь не смог ей отказать, и хотя его настоятельно звали в Москву, он стал откладывать с отъездом. Он даже решил про себя отказаться и остаться в Орле, тем более что вообще опасался, что не справится с новыми сложными обязанностями в обители, где от него потребуются духовный опыт, которого у него, как у священника семейного, может не быть. Вскоре после этого он заметил, что у него без всякой видимой причины начала распухать правая рука, и это со временем стало приносить ему затруднения на службе. Он обратился за помощью к одному из своих родственников, доктору Николаю Яковлевичу Пясковскому. Врач, осмотрев руку, сказал, что никаких причин болезни нет и он не может дать в этом случае какого бы то ни было медицинского объяснения и, следовательно, помочь.

В это время из Москвы в Орел привезли чудотворную Иверскую икону Божией Матери. Отец Митрофан пошел помолиться и, стоя перед образом, пообещал, что все же примет бесповоротно предложение великой княгини и переедет в Москву. С благоговением и страхом он приложился к иконе и вскоре почувствовал, что руке стало лучше. Он понял, что на переезд его в Москву и поселение в Марфо-Мариинской обители есть благословение Божие и с этим нужно смириться.

Желая получить на переезд благословение и от старцев, он направился в Зосимову пустынь, где встретился с иеросхимонахом Алексием (Соловьевым) и другими старцами и поведал им о своих сомнениях и колебаниях: не будет ли дело, которое он на себя берет, выше сил. Но они благословили его смело браться за дело.

Отец Митрофан подал прошение о переводе в обитель, и 17 сентября 1908 года митрополит Московский Владимир (Богоявленский) назначил его настоятелем Покровской и Марфо-Мариинской церквей на Большой Ордынке,

поскольку сама Марфо-Мариинская обитель начала свою деятельность только с 10 февраля 1909 года, когда великая княгиня Елизавета Федоровна переехала в дом, предназначавшийся под обительский.

Сама Елизавета Федоровна в переезде отца Митрофана в только еще устрояемую обитель видела знак особого благоволения Божия к своему начинанию. «Господь благословил это *наше* дело через *священника*, – писала она государю, – к которому в Орел издавна люди приезжали за утешением и поддержкой, – и вот оно мало-помалу начинается».

Отец Митрофан, поселившись в обители, сразу же принялся за новое дело, отдавшись ему всей душой, – как это было в Орле, когда он занимался постройкой церкви, устройством школы и библиотеки, как было и во время войны, когда он стал отцом духовных детей, которые каждодневно подвергались смертельной опасности. Он часто служил и, не жалея сил, наставлял тех, еще немногочисленных сестер, которые пришли жить в обитель.

«Те несколько сестер, – писала Елизавета Федоровна, – что живут со мной, хорошие девушки, очень религиозные, – но ведь и все наше служение основано на религии и живет ею. Батюшка их наставляет, три раза в неделю у нас бывают замечательные лекции, на которые приходят и гости. Потом еще на утреннем правиле батюшка читает из Нового Завета и говорит краткую проповедь... Чай пьем все вместе, и священник с матушкой тоже, заканчивается он беседой о религии...

Батюшкины лекции очень интересные, просто исключительно, так как он не только глубоко верующий, но еще безгранично начитанный человек. Он начинает из Библии, заканчивает церковной историей и все время показывает, как и что сестры смогут говорить и чем помочь тем, кто испытывает душевные страдания... Здесь многие приезжают издавна в нашу маленькую церковь и обретают силы в его прекрасных простых проповедях и в исповеди. Это широкий человек, в котором нет ничего от ограниченного фанатика, целиком основывающийся на безграничной любви о Господе и всепрощении, – истинно православный священник, строго придерживающийся нашей Церкви, для нашего дела – благословение Божие, так как он заложил основание, какое и должно быть. Скольких он вернул к вере, наставил на путь истинный, сколько людей благодарят меня за великое благо иметь возможность посещать его».

Настоятельница обители вполне поняла и оценила священника, которого им послал Господь. Она писала о нем государю: «Он исповедует меня, окормляет меня в церкви, оказывает мне огромную помощь и подает пример своей чистой, простой жизнью, такой скромной и высокой по ее безграничной любви к Богу и Православной Церкви. Поговорив с ним лишь несколько минут, видишь, что он скромный, чистый и человек Божий, Божий слуга в нашей церкви».

Отец Митрофан вполне разделял христианские настроения великой княгини, стремившейся спасти свою душу на пути самоотверженного служения ближним.

Несмотря на трудности и новизну предпринятого дела, обитель благословением Божиим, смирением и трудами настоятельницы, духовника обители отца Митрофана и сестер с успехом развивалась и расширялась. В 1914 году в ней было девяносто семь сестер, она имела больницу на двадцать две койки, амбулаторию для бедных, приют для восемнадцати девочек-сирот, воскресную школу для девушек и женщин, работающих на фабрике, в которой обучалось семьдесят пять человек, библиотеку в две тысячи томов, столовую для

бедных женщин, обремененных семьей и трудящихся на поденной работе, и кружок для детей и взрослых под названием «Детская лепта», занимавшийся рукоделием для бедных.

9 августа 1916 года временно управляющий Московской епархией епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский) представил в Синод прошение о награждении отца Митрофана митрой «за отлично-усердное служение его Святой Церкви, труды по обстоятельствам военного времени и полезную деятельность... в... обители». Великая княгиня, у которой было испрошено, как у настоятельницы, согласие, с радостью присоединилась к предложению наградить отца Митрофана за безупречную и усердную службу. 2 октября 1916 года он был награжден митрой.

«Я хочу работать для Бога и в Боге, – писала в 1909 году Елизавета Федоровна государю, – для страждущего человечества, а в старости, когда мое тело уже не сможет трудиться, я надеюсь, Господь даст мне возможность отдохнуть и помолиться – о деле, мною начатом. И тогда я уйду из деятельной жизни и буду готовить себя для того большого дома. Но пока у меня есть здоровье и силы, а /кругом/ столько [несчастья], и шаги Христа-Кормчего /слышны/ посреди страждущих, и в них мы помогаем Ему».

Но Господь судил иначе. Наступил 1917 год – Февральская революция, отречение государя, арест царской семьи, Октябрьский переворот.

Почти сразу же после Февральской революции был совершен набег на Марфо-Мариинскую обитель вооруженных людей. Н.Е. Пестов так изложил рассказ отца Митрофана об этом событии: «К обители подъехал грузовик, в котором находилось несколько вооруженных солдат с унтер-офицером и одним студентом. Студент, видимо, не имел понятия, как обращаться с оружием. Он держал все время в руке револьвер, направляя дуло на всякого говорящего с ним. Сошедший с автомобиля отряд потребовал провести их к начальнице обители. Туда же сестры вызвали и отца Митрофана.

– Мы пришли арестовать сестру императрицы, – заявил возглавляющий отряд унтер-офицер. А студентик подступил к матушке, направив на нее дуло своего револьверчика. Матушка с обычным для нее спокойствием положила руку на протянутый к ней револьвер и сказала:

– Опустите свою руку, ведь я же женщина!

Смущенный ее спокойствием и улыбкой, студент сразу же сник, опустил руку и тотчас же исчез из комнаты. Отец Митрофан обратился к солдатам:

– Кого вы пришли арестовывать? Ведь здесь нет преступников! Все, что имела матушка Елизавета, – она все отдала народу. На ее средства построена обитель, церковь, богадельня, приют для безродных детей, больница. Разве все это преступление?

Возглавляющий отряд унтер, взглядевшись в батюшку, вдруг спросил его:

– Батюшка! Не вы ли отец Митрофан из Орла?

– Да, это я.

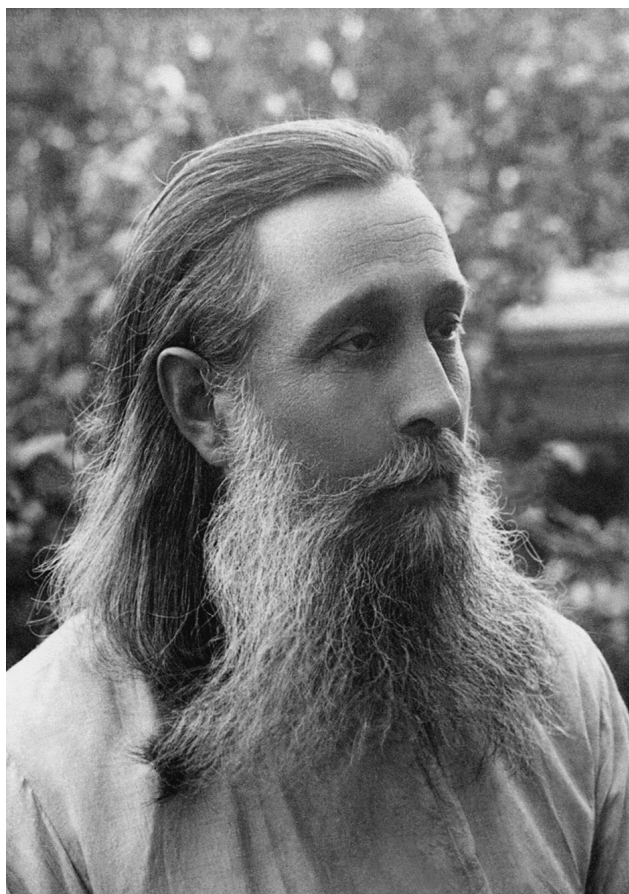
Лицо унтера мгновенно изменилось. Обращаясь к сопровождавшим его солдатам, он сказал:

– Вот что, ребята! Я остаюсь здесь и сам во всем распоряжусь. А вы поезжайте обратно.

Солдаты, выслушав слова отца Митрофана и поняв, что они затеяли не совсем ладное дело, подчинились и уехали обратно на своем грузовике».

Однако вскоре великая княгиня Елизавета все же была арестована. Незадолго перед арестом она передала общину попечению отца Митрофана и сестры-казначей. Великая княгиня была отправлена на Урал, в Алапаевск, где 5 (18) июля 1918 года приняла мученическую кончину*.

20 марта 1919 года исполнилось двадцать пять лет священнического служения отца Митрофана. В этот день его многочисленные духовные дети поднесли ему поздравительный адрес, полный искреннего чувства благодарности к своему пастырю, который был верен им и в дни мира, и на полях войны, и в годину еще худших и горших испытаний – гонений от безбожников.

Архимандрит Сергей (Сребрянский). 1920-е годы

25 декабря 1919 года Святейший Патриарх Тихон, хорошо знавший отца Митрофана, благодаря его за многие труды, преподал ему первосвященническое благословение с грамотой и икону Спасителя. В это время решился для отца Митрофана и его супруги Ольги вопрос о монашестве. Много лет живя в супружестве, они воспитали трех племянниц-сирот и желали иметь своих детей, но Господь не дал исполниться их желанию. Увидев в этом Божию волю, призывающую их к особому христианскому подвигу, они, переехав в обитель, дали обет воздержания от супружеской жизни. Долгое время этот обет для всех был сокрыт, но когда произошла революция и наступило время всеобщего разрушения и гонений на Православную Церковь, они решили его обнаружить и принять монашеский постриг. Постриг был совершен по благословению

* Преподобномученица Елизавета прославлена Русской Православной Церковью на Архиерейском Соборе 1992 года. Память празднуется 5/18 июля.

Патриарха Тихона. Отец Митрофан был пострижен с именем Сергей, а Ольга – с именем Елизавета. Вскоре после этого Патриарх Тихон возвел отца Сергия в сан архимандрита.

В 1922 году безбожные власти произвели изъятие церковных ценностей из храмов. Многие священнослужители были арестованы, некоторые расстреляны. Одним из предъявляемых им обвинений было чтение в храмах послания Патриарха Тихона, касающегося изъятия церковных ценностей. Отец Сергей, вполне разделяя воззрения Патриарха и считая, что не следует во избежание кощунств отдавать церковные сосуды, прочел послание Святейшего и был 23 марта 1923 года арестован. Пять месяцев он томился в тюрьме без предъявления обвинения, а затем по приказу ОГПУ от 24 августа 1923 года был выслан на один год в город Тобольск. Здесь он познакомился и близко сошелся с тобольским подвижником Феодором Ивановым, впоследствии принявшим мученическую кончину*.

Из ссылки в Москву отец Сергей вернулся 27 февраля 1925 года и на следующий день, как бывший ссыльный, явился в ОГПУ, чтобы узнать решение властей относительно своей дальнейшей судьбы. Следователь, которая вела его дело, сказала, что священнику разрешается совершать церковные службы и говорить за богослужениями проповеди, но он не должен занимать никакой административной должности в приходе, и ему запрещено принимать участие в какой-либо деловой или административной приходской деятельности.

Отец Сергей вернулся в Марфо-Мариинскую обитель. Поселился он в прежней квартире, располагавшейся в одном из обительских домов на втором этаже. Дверь с лестницы открывалась в маленькую переднюю, откуда посетитель попадал в большую переднюю, из нее дверь направо вела в комнату, где обычно ожидали пришедшие к батюшке посетители. Прямо из передней шла дверь в кабинет отца Сергия. В нем между окнами стоял большой письменный стол; слева всю стену занимали иконы, справа стояла фисгармония – на ней отец Сергей играл церковные напевы, ирмосы и под аккомпанемент фисгармонии пел. В обители был сад, и батюшка во все время жизни здесь каждый вечер, когда во дворе было пусто, гулял по саду и молился.

Недолго пришлось отцу Сергию прослужить в Марфо-Мариинской обители. В 1925 году власти приняли решение ее закрыть, а насельниц сослать. Часть здания была отобрана под поликлинику и ее работники, вознамерившись отобрать обительскую квартиру у отца Сергия, стали писать в ОГПУ, что священник, мол, занимается антисоветской агитацией среди сестер обители, говоря, что советская власть преследует религию и духовенство. На основании этого доноса 29 апреля 1925 года отец Сергей был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. В течение некоторого времени он не знал о причинах своего ареста. Только 11 мая состоялся первый допрос, из которого он уяснил, в чем его обвиняют.

– Скажите, гражданин Сребрянский, – обратилась следователь к священнику, – кому из сестер Марфо-Мариинской обители вы говорили, что советская власть преследует религию и церковников?

– Злостно никогда об этом не говорил, – ответил он, – но мог сказать, что многие церковники высланы по подозрению в политической неблагонадежности,

* Мученик Феодор, прославлен Русской Православной Церковью в Соборе новомучеников и исповедников Российских. Память празднуется 30 августа/12 сентября.

каковая у некоторых и могла быть, но я надеюсь, что вернется доверие советской власти к нам.

Матушка Елизавета, узнав, в чем обвиняют отца Сергия, принялась хлопотать о его освобождении. Она написала заявление и подала Владимиру Черткову, возглавлявшему учреждение под названием «Осведомление и экспертиза по делам религиозных течений». Чертков поддержал просьбу и, сопроводив заявление своими пояснениями, направил его 25 июня 1925 года Петру Смидовичу, который в тот же день переправил все документы Тучкову. 30 июня дело было рассмотрено и принято решение освободить священника. 2 июля Коллегия ОГПУ прекратила дело, и отец Сергей был освобожден.

За то время, пока отец Сергей был в заключении, Марфо-Мариинская обитель была закрыта, а сестры арестованы. Некоторые из них были высланы относительно недалеко – в Тверскую область, но большинство сослано в Казахстан и Среднюю Азию.

Архимандрит Сергей и монахиня Елизавета выехали на родину Елизаветы в село Владычня Тверской области и поселились в бревенчатом, покрытом дранкой родительском доме. Первое время отец Сергей не служил, но часто ходил молиться в Покровский храм, в котором стал служить с 1927 года.

Сразу же по приезде, а еще более после того, как отец Сергей стал служить во Владычне, его стали посещать духовные дети. Среди знавших его он был известен как молитвенник и человек святой жизни. Люди обращались к нему за помощью, и некоторые по своей вере и молитвам праведника получали просимое. Несмотря на пережитые узы и тяжелое время гонений, отец Сергей продолжал подвизаться как духовник и проповедник. Он использовал отпущенное ему время для наставления в вере, поддержки и просвещения ближних. Духовные дети привозили ему продукты и одежду, большую их часть он раздавал нуждающимся.

Однако в селе были люди, которые ненавидели Церковь и ради забвения своих грехов хотели забыть о Боге, – они-то и относились враждебно к архимандриту Сергию за его открытую проповедническую деятельность. Жизнь, которую он проводил, обличала их совесть, и, вознамерившись изгнать его из села, они обратились за помощью к власти.

30 и 31 января 1931 года сотрудники ОГПУ допросили их, и те показали об архимандрите Сергии: «По своему общественному, умелому подходу к народу с религиозной стороны заслуживает особого внимания. Действует исключительно религиозным дурманом. Опирается на темноту, выгоняет бесов из человека...

Особенно способен на проповеди... В своих выступлениях с амвона призывает на единение и поддержку Церкви...

Результаты таких проповедей имеются налицо... деревня Гнездцы категорически отказалась от вступления в колхоз... Священник Сребрянский является политически вредным элементом, который должен быть срочно изъят...

Основной метод работы: направляет на чувства репликами, посредством всевозможных нелепых слухов... которые излагает в своих проповедях. Был случай, когда одного рабочего на станции Крюково зарезало поездом. Этим воспользовался Сребрянский, говоря, что тот не веровал в Бога и говорил, что пусть меня накажет Бог, если Он есть, и за это его наказало... Использует статьи из газет в своих проповедях, говоря, что... заграничные студенты, которые не веровали в Бога и были безбожниками, стали стреляться и кончать самоубийством...»

Отец Сергей через несколько дней после их показаний был арестован, но «материалов» для создания «дела» не доставало, и 14 февраля следователи дополнительно допросили жителей села Владычня, оставляя в деле показания лишь тех свидетелей, которые подтверждали обвинение. Даже через призму искаженных свидетельств видно, что отец Сергей был для народа подлинным пастырем, по молитвам которого Господь творил чудеса.

«Священника Сребрянского знаю постольку, поскольку со всей округи к нему съезжаются крестьяне для получения исцеления от недугов...

Сребрянский в округе слыл за святого человека, исцелителя, народ приезжал к нему на квартиру...» – утверждали свидетели.

Был допрошен священник Иоанн Хренов, служивший в Покровском храме во Владычне. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Священника Сребрянского я знаю с момента приезда его в село Владычня... народ его посещал... иногда я с ним беседовал... он мне рассказывал про чудо, совершившееся при вскрытии мощей Митрофана Воронежского: “Один комиссар при вскрытии мощей взял икону Митрофана, каковую принес домой и бросил на пол, сказав квартирной хозяйке: “Вот вашего Бога бросаю, и Он меня не наказывает”. И вдруг с ним сделалось плохо, заболел, стал просить, чтобы его отвели к мощам Митрофана, что и выполнили, и там он выздоровел”.

Надо отметить, что он был очень хороший проповедник, но проповеди касались исключительно религиозных вопросов».

10 марта 1931 года сотрудники ОГПУ допросили архимандрита Сергея. Рассказав о своей службе в качестве полкового священника, отец Сергей сказал: «С 1904-го по 1906 год был на театре военных действий в Маньчжурии, награды – скуфья и камилавка. За войну мною получены военные награды: Анна 3-й степени, Анна 2-й степени, Владимир 4-й степени – и по окончании русско-японской войны мною получен наперсный крест на Георгиевской ленте.

С 1909-го по 1918 год служил в Москве настоятелем церквей и духовником Марфо-Мариинской обители милосердия; с 1910 года по 1918 год настоятельницей была Елизавета Федоровна Романова, проект создания этой обители был мой... В 1905 году был издан мой дневник о русско-японской кампании, в котором описаны дни пребывания на фронте, а также выдержки из моих проповедей. К революционерам я относился как к крамольникам, нарушавшим спокойствие в стране... В проповедях я отмечал, что их, крамольников, надо выдавать в руки правосудия; убийство Сергея Александровича Каляевым на меня в то время произвело сильное впечатление, я считал, что он сделал преступный шаг против Отечества. События в Москве и других городах в 1905 году я считал преступными, как идущие против царя, Отечества и Церкви... О моей деятельности полностью описано в моей книге. Вообще, до революции 1917 года я веровал в монархию как орган управления, но по рассказам Елизаветы Федоровны о жизни двора бывшего царствовавшего дома я был разочарован в людском составе монархического аппарата...

Проживая последнее время во Владычне, я агитацию против советской власти не вел; иногда в беседах с Хреновым говорили, что тяжело стало жить, создание колхозов теоретически хорошо, но народу трудно осознать, как пойдет это практически, но если удастся – то это большой сдвиг; в проповедях я говорил об уравнивании бедных и богатых на началах христианской Церкви. Больше мною ничего не говорилось. Народ меня на дому посещал, но я старался избавиться от этих посещений, так как чувствовал себя плохо, а также не хотел распространения

каких-либо слухов. Одна женщина приходила ко мне и спрашивала: “Идти ли в колхоз?” Я ей сказал: “В колхоз идти надо”. Она сказала: “А говорят, что в Бога верить нельзя”. Я ей сказал: “Кто же вырвет из души верование в Бога?”...

Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю...»

На этом следствие было закончено, и 23 марта составлено обвинительное заключение: «Обвиняемый Сребрянский, будучи служителем культа, с дореволюционного времени по 1930 год имеет непрерывную цепь активной борьбы против революционного движения... – писал следователь. – Выпущенная книга “Дневник священника 51-го драгунского Черниговского Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны полка Митрофана Васильевича Сребрянского...” ярко рисует жизнь и деятельность обвиняемого как монархиста и его борьбу с революционным движением в 1905 году. Основную мысль, вложенную в книгу, можно охарактеризовать словами обвиняемого: “крепкая вера в святые принципы – вера, царь и святая родина”.

Учитывая, что волна революционного движения захватывает массы, Сребрянский призывал к беспощадной борьбе с революционерами: “Не будем не только слушаться крамольников, но, наоборот, постараемся образумить их, обличить, привлечь к послушанию Богу и царю, а если не пожелают, то без укрывательства и послабления отдать их в руки правосудия”.

Убийство князя Сергея Александровича революционером Каляевым вызвало бурю негодования со стороны обвиняемого: “Гнусное убийство великого князя Сергея Александровича страшно поразило меня. Злодеи, вы кричите о свободе, а сами действуете насилием, – Царство Небесное мученику за правду”.

Революция в столице вызвала также нападки со стороны обвиняемого: “Нашлось так много изменников, фальшивых русских, устраивающих стачки, требующих позорного мира...”

Октябрьская революция в Сребрянском не произвела сдвигов – в 1922 году он усиленно поддерживает контрреволюционное воззвание Патриарха Тихона об укрытии церковных ценностей, за что был присужден Коллегией ОГПУ к высылке. Эта мера воздействия также не произвела переворота – приехав в район сплошной коллективизации, Сребрянский в целях поднятия авторитета стал выдавать себя за “святого человека”...

Обвиняется в том, что, являясь сторонником монархического порядка управления, систематически вел антисоветскую агитацию с целью срыва проводимых мероприятий советской власти в деревне, используя религиозные предрассудки масс...»

7 апреля 1930 года тройка ОГПУ приговорила отца Сергея к пяти годам ссылки в Северный край. Священнику было тогда шестьдесят лет, и после нескольких тюремных заключений, ссылки, этапов здоровье его было сильно подорвано, он испытывал постоянное недомогание. А время было самое тяжелое для ссыльных. Прошла коллективизация. Крестьянские хозяйства были разорены. Хлеб продавался только по карточкам и в самом ограниченном количестве, а посылки доходили лишь в период судоходства, которое прекращалось на всю зиму и на время, пока сплавлялся лес.

Архимандрита Сергия поселили в одной из деревень на реке Пинеге. Здесь жило тогда много сосланного духовенства. Сюда к нему приехали монахиня Елизавета и Мария Петровна Заморина, знавшая отца Сергея еще в период его служения в Орле; впоследствии она приняла монашество с именем Милица. Ссылные священники работали на лесоразработках и сплаве леса. Архимандрит

Сергий работал на ледянке – вел по ледяной колее лошадь, тащившую бревна. Эта работа хотя и была легче пилки и рубки в лесу, но требовала большой ловкости и спорости. Отец Сергий, монахиня Елизавета и Мария Петровна жили в домике как маленькая монастырская община. Отец Сергий, благодаря своей подвижнической жизни, постоянной молитвенной настроенности, духовным советам и умению утешать страждущих в тяжелых для них обстоятельствах, вскоре стал известен как глубоко духовный старец, которому многие стали поверять свои беды, в молитвенное предстательство которого верили.

Величественная и суровая природа Севера произвела большое впечатление на исповедника. «Огромные ели, закутанные снежными одеялами и засыпанные густым инеем, стоят как зачарованные, – вспоминал он, – такая красота – глаз не оторвешь, и кругом необыкновенная тишина... чувствуется присутствие Господа Творца, и хочется без конца молиться Ему и благодарить Его за все дары, за все, что Он нам посылает в жизни, молиться без конца...»

Несмотря на болезни и преклонный возраст, старец с помощью Божией выполнял норму, назначенную ему начальством. Когда приходилось корчевать пни, он делал это один и в короткое время. Иногда он даже специально замечал по часам, за какое время ему удастся выкорчевать пенек, над каким, бывало, трудились несколько человек ссыльных.

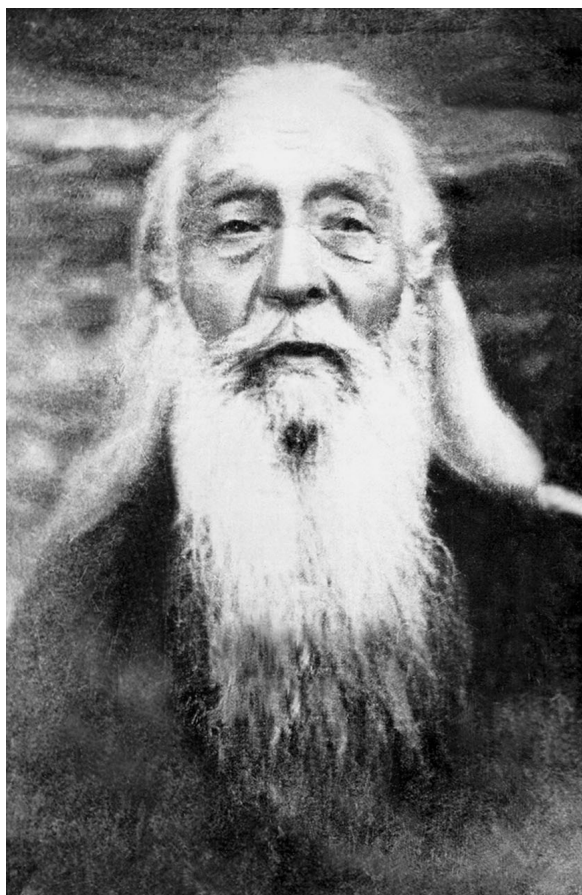
С местным начальством у отца Сергия сложились вполне благоприятные отношения, все любили подвижника и неутомимого труженика, со смирением воспринимавшего свою участь ссыльного. Деревенским детям он вырезал и склеил, а затем и раскрасил макет паровоза с пассажирскими и товарными вагонами, которых они не видели ни разу в жизни по дальности тех мест от железных дорог.

В 1933 году отец Сергий был освобожден и вернулся в Москву, где пробыл всего один день – простился с закрытой и разоренной обителью и отправился с монахинями Елизаветой и Милицей во Владычню.

На этот раз они поселились в доме, купленном духовными детьми отца Сергия. Это была небольшая изба с русской печью, кирпичной лежанкой и просторным двором. Здесь прошли последние годы жизни старца. Покровский храм во Владычне был закрыт, и отец Сергий ходил молиться в соседнее село в Ильинский храм. Впоследствии власти стали выказывать неудовольствие по поводу его появления в храме, и он был вынужден молиться дома. Последний период жизни отца Сергия стал временем старческого окормления духовных детей и обращавшихся к нему страждущих православных людей, что было особенно насущно в то время, когда большинство храмов было закрыто, а священники арестованы.

Во время Великой Отечественной войны, когда немцы захватили Тверь, во Владычне расположилась русская воинская часть и предполагалось, что здесь будет тяжелый бой с немцами. Офицеры предлагали жителям отойти дальше от передовых позиций, кое-кто ушел, а отец Сергий и монахини Елизавета и Милица остались. Почти каждый день над расположением воинской части летали немецкие самолеты, но ни разу ни одна бомба не упала ни на храм, ни на село. Это отметили и военные, у которых возникло ощущение, что село находится под чьей-то сугубой молитвенной защитой. Однажды отец Сергий шел на другой конец села со Святыми Дарами причастить тяжелобольного. Идти нужно было мимо часовых. Один из них остановил его и, пораженный видом убеленного

сединами старца, бесстрашно шедшего через село, непроизвольно высказал ту мысль, которая владела умами многих: «Старик, тут кто-то молится».

Архимандрит Сергей (Сребрянский). 1940-е годы

Неожиданно воинская часть была снята с позиции, так как бои развернулись на другом направлении, неподалеку от села Медного. Местные жители, очевидцы событий, приписывают чудесное избавление села от смертельной опасности молитвам архимандрита Сергия.

За исповеднический подвиг, за праведную жизнь и глубокое смирение Господь наделил отца Сергия дарами прозорливости и исцеления. Со смирением отец Сергий рассказывал как-то Наталье Соколовой, что люди считают его прозорливым, а «это действует благодать священства, – говорил он. – Вот пришел ко мне этим летом молоденький пастушок. Плачет, убивается. Три коровы у него из стада пропали.

– Меня, – говорит, – засудят, а у меня семья на руках.

– А ты где искал их? – спрашиваю.

– Да двое суток и я, и родные, и товарищи всю местность кругом обошли – нет трех коров! Погиб я теперь!

Мы пошли с ним к развалинам разрушенной церкви, которые метрах в двухстах от избышки моей. Там горка разбитых кирпичей на месте престола. А перед Богом ведь все равно это место святое – там, где алтарь был. Там таинство свершалось, там благодать сходила. Вот мы с пастухом помолились там Спасителю, попросили его помочь нам найти коровушек. Я сказал пастуху:

– Иди теперь с верой на такой-то холм, садись и играй в свою свирель, они на звук к тебе сами придут.

– Ох, батюшка, да мы там с братьями все кустики уж облазили!

Ну, и на самом деле. Сидел пастух и играл на своей дудочке, а к нему в течение получаса все три коровы пришли. “Смотрю, – говорит, – рыжая из кустов выходит, за ней вскоре и белая... Немного погодя и третья показалась! Как из земли выросли!”»

В деревне Губка Тверской области, как свидетельствует уроженка этих мест Тамара Ивановна Круг, у одной девушки заболела нога, и болезнь приняла настолько тяжелый характер, что врачи посоветовали ей ехать в Тверь в областную больницу и делать операцию. Прежде чем ехать в больницу, девушка с матерью пришли к отцу Сергию. Он помолился об исцелении больной и сказал:

– В больницу поезжайте, но вы вскоре вернетесь.

Перед выездом в Тверь они сообщили близким, что болезнь приняла такой характер, что требуется встретить больную на вокзале, а иначе она не дойдет. Дочь с матерью сели в поезд в Лихославле и отправились в Тверь. И в поезде произошло полное исцеление больной, так что, когда они приехали в Тверь, девушка вышла на перрон совершенно здоровой.

В последние годы жизни архимандрита Сергия, начиная с 1945 года, его духовником стал протоиерей Квинтилиан Вершинский, служивший в Твери и часто приезжавший к старцу. Отец Квинтилиан сам несколько лет пробыл в заключении и хорошо знал, что это такое – нести тяготы и горечь гонений.

Впоследствии он вспоминал об отце Сергии: «Всякий раз, когда я беседовал с ним, слушал его проникновенное слово, передо мной из глубины веков вставал образ подвижника-пустынника... Он весь был объят божественным желанием... Это чувствовалось во всем, особенно – когда он говорил. Говорил он о молитве, о трезвении – излюбленные его темы. Говорил он просто, назидательно и убедительно. Когда он подходил к сущности темы, когда мысль его как бы касалась предельных высот христианского духа, он приходил в какое-то восторженно-созерцательное состояние и, видимо под влиянием охватившего его волнения, помыслы его облекались в форму глубоко-душевного лирического излияния.

“Звонят ко всенощной, – говорил он, – к молитве сладостной, вхожу в храм... Полумрак, мерцают лампы, чувствуется запах ладана, веяние чего-то неземного, вечного, чистого и сладостного, все замерло... Чувствуется присутствие великой творческой силы, всемогущей, премудрой, благой, которая вот-вот сейчас вспыхнет и начнет творить... Трепетно жду... Когда же окончится это таинственное безмолвие и раздастся могучий Божий голос: “Да будет вселенная и жизнь в ней!” Вдруг слышу: “Встаните! Господи, благослови!” – “Слава Святей...” Непосредственно за сим поется псалом “Благослови, душе моя, Господа”, которым псалмопевец Давид изображает творение мира... Что скажу я, ничтожный, о чувствах, наполнявших мою душу в это время? Не стыжусь сознаться, что почти всегда я в это время плакал слезами умиления, восторга духовного от воспоминания и переживания дивной, творческой, животворящей деятельности Святой Троицы, так чудно изображавшейся этим обрядом – обхождением храма с каждением. Так ясно сознавала душа моя необходимость этой деятельности Божией для людей, и я молился, каялся в грехах, благодарил Господа за все, за все в жизни мира, лично моей, просил, умолял не оставлять нас одинокими... Мне было радостно невыразимо на душе, когда я видел, ощущал, переживал это единение Бога и человека, Бога и всего мира с его животными,

птицами, рыбами, растениями, цветами. Мне казалось, что я излиюсь слезами радости и восторга...”

Перед мысленными созерцательными взорами старца раскрывается таинственный духовный мир с неисчерпаемыми красотами и умилением... Он в миру вел жизнь пустычника. Несомненно, эта способность созерцания стояла в связи с его душевной чистотой. Его ангельская чистота и бесстрашие, которыми была проникнута последняя, предсмертная исповедь, которую я принимал от него, привели меня в какой-то священный ужас. Я после этого понял душевное состояние Петра, когда он воскликнул: “Господи, отойди от меня, ибо я человек грешный”. В нем меня все удивляло, все было необыкновенно. Удивляло его незлобие. Как-то раз он заметил мне: “Плохих людей нет, есть люди, за которых особенно нужно молиться”. В беседах его не было даже и тени неприязни к людям, хотя он и много страдал от них. Не менее поразительно было и смирение его. Как-то раз он сказал мне: “Вы счастливы, очень счастливы, ибо стоите у Престола Божия, а я вот за свои грехи и недостойнство лишен этой милости Божией”. С людьми он был необыкновенно кроток и ласков. В душе собеседника он быстро находил больное место и врачевал. Несомненно, он имел дар утешать людей. Это я испытал на себе. Как-то раз я пришел к нему с тяжелым чувством на душе; лишь только переступил порог его убогой хижины, он с трудом встает со своего стула, – ноги его уже плохо держали, – сложивши крестообразно руки на груди, устремив свой взор кверху, вместо обычного приветствия он говорит мне: “Я страдаю и молюсь за вас”; помолчав немного, продолжил: “Если бы вы только знали, какой вы счастливый, какая милость Божия почивает над вами”. На этом речь его оборвалась. Я не посмел искушать его вопросами. Когда я уходил от него, мне казалось, что я всю тяжесть души своей оставил у его ног.

Пошел я от него радостный, – хотя скорби меня долго не покидали, однако я переносил их уже с удивительным благодушием. Несомненно, он имел дар постоянной молитвы. “Бывало, придешь к нему, – говорила мне местная обывательница, – а он, сердешный, стоит в переднем углу на коленочках, поднявши руки кверху, как мертвый; постоишь, бывало, так и пойдешь...”

Наступило приснопамятное весеннее утро, – вспоминал отец Квинтилиан. – На востоке загоралась заря, предвещавшая восход весеннего солнца. Еще было темно, но около хижины, где жил старец, толпились люди: несмотря на весеннюю распутицу, они собрались сюда, чтобы отдать последний долг почившему старцу. Когда я вошел в самое помещение, оно было забито народом, который всю ночь провел у гроба старца. Начался отпев. Это было сплошное рыдание. Плакали не только женщины, но и мужчины...

С большим трудом вынесли гроб через малые узенькие сенцы на улицу. Гроб хотели поставить на дровни, нести на себе его на кладбище было невозможно, ибо дорога на кладбище представляла местами топкую грязь, местами была покрыта сплошной водой. Тем не менее из толпы неожиданно выделяются люди, поднимают гроб на плечи... потянулись сотни рук, чтобы хотя коснуться края гроба, и печальная процессия с неумолкаемым пением “Святый Боже” двинулась к месту последнего упокоения. Когда пришли на кладбище, гроб поставили на землю, толпа хлынула к гробу. Спешили проститься. Прощавшиеся целовали руки старцу, при этом некоторые как бы замирали, многие вынимали из кармана белые платки, полотенца, маленькие иконки, прикладывали к телу усопшего и снова убирали в карман.

Когда гроб опускали на дно могилы, мы пели “Свете Тихий”. Песчаный грунт земли, оттаявшие края могилы грозили обвалом. Несмотря на предупреждение, толпа рванулась к могиле, и горсти песка посыпались на гроб почившего. Скоро послышались глухие удары мерзлой земли о крышку гроба.

Мы продолжали петь, но не мы одни. “Смотрите! смотрите!” – слышался голос. – Это кричал человек с поднятой рукою вверх. Действительно, нашим взорам представилась умилительная картина. Спустившийся с небесной лазури необычайно низко, над самой могилой делал круги жаворонок и пел свою звонкую песню, – да, мы пели не одни, нам как бы вторило творение Божие, хваля Бога, дивного в Своих избранниках.

Скоро на месте упокоения старца вырос надмогильный холмик. Водрузили большой белый крест с неугасимой лампадой и надписью: “Здесь покоится тело священноархимандрита Сергия – протоиерея Митрофана. Скончался 23 марта* 1948 года. “Подвигом добрым подвизався, течение жизни скончав”».

Еще при жизни батюшка говорил своим духовным детям: «Не плачьте обо мне, когда я умру. Вы придете на мою могилку и скажете, что нужно, и я, если буду иметь дерзновение у Господа, помогу вам».

После кончины архимандрита Сергия почитание его как подвижника и молитвенника не только не уменьшилось, но со временем еще более возросло. Многие верующие приходили на могилу отца Сергия помолиться, получить духовное утешение и заступничество. Мощи преподобноисповедника Сергия были обретены 11 декабря 2000 года и ныне находятся в Воскресенском кафедральном соборе города Твери.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Март». Тверь. 2006. С. 227-251

* По старому стилю, по новому – 5 апреля.